

**ЯЗЫК ВРАЖДЫ В
МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ.
ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 2017**
(мониторинг прессы)

Могилев, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Информационно-аналитическая инициатива *moloko*, в которую вошли бывшие журналисты онлайн-журнала о Могилеве *milkmag.by* и могилевские правозащитники, представляет вашему вниманию мониторинг использования языка вражды в печатных СМИ и электронных источниках информации Могилевской области в первом квартале 2017 года (январь, февраль и март).

Ранее мы [публиковали](#) обзор примеров использования языка вражды в регионе в 2016 году.

В данном мониторинге мы изучили семантические тактики, которые использовали источники массовой информации при освещении социальных, политических, культурных и иных тем. Особое внимание отводилось региональным печатным изданиям, в частности - из районных центров, которые предполагают определенное влияние на общественное мнение при помощи языковых маркеров и обозначенных тем.

В ходе мониторинга были исследованы материалы трех десятков изданий, которые были опубликованы в период с 1 января до 31 марта 2017 года.

Отметим, что использование языка вражды в первом квартале 2017 года, за исключением двух рассматриваемых случаев, в изучаемых СМИ и источниках информации, носило случайный характер. Использование агрессивных маркеров в отношении определенной группы людей в изучаемых изданиях подразумевает малой включенностью редакций в глобальный процесс изменения массмедиа и отсутствием опыта анализа и корректуры собственных материалов на предмет языка вражды согласно доступным методологиям.

Данный анализ прессы Могилевского региона является первым этапом поквартального изучения случаев использования языка вражды в СМИ области. В дальнейшем будут выпущены ещё 3 поквартальных мониторинга. Каждый из них будет представлять собой подробный анализ материалов изданий на наличие языка вражды за определенный квартал 2017 года (апрель-июнь, июль-сентябрь, октябрь-декабрь).

Мы ожидаем, что исследование откроет картину использования hate-speech на региональном уровне на примере недавних тем и событий, что представляет для нас особую ценность.

Как правило, язык вражды ищут в изданиях с наибольшим охватом подписчиков или посетителей сайта, справедливо опираясь на их популярность. Однако стоит отметить, что в условиях Республики Беларусь на локальном районном уровне практически не наблюдается конкуренция СМИ. Нередко для жителей районных центров и малых городов печатное издание местного исполнительного комитета является едва ли не главным источником информации. Соответственно, уровень влияния у такой прессы выше, а вместе с ним, мы полагаем, и возможные последствия использования риторических и лексических приемов, ведущих к негативному восприятию человека или социальной группы на основании дискриминационных заявлений.

Наша цель - представить максимально объективную картину использования языка вражды в общественно-политических изданиях Могилевского региона.

Наши задачи - выделить основные группы, которые подвергаются воздействию отрицательных языковых приемов со стороны СМИ, определить, насколько рационально используется язык вражды для создания негативного образа людей и социальных групп, а также обратить внимание представителей СМИ на наиболее часто встречающиеся примеры использования языка вражды для последующего недопущения подобных ситуаций.

КАК МЫ ОПРЕДЕЛЯЕМ ПОНЯТИЕ «ЯЗЫК ВРАЖДЫ»?

Мы не нашли всеобъемлющее определение языка вражды, которое бы окончательно нас устроило, потому обратились к трудам профессионалов, чтобы в последствии вывести свое обозначение указанной дефиниции.

В Европейском союзе законодательной базой для выявления, предотвращения и пресечения языка вражды являются **Рекомендации Комитета министров Совета Европы N R(97) 20 1**, согласно которой *"язык вражды (hate speech) определяется как все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или*

враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями". [Рекомендация N R (97) 20 Комитета министров Совета Европы "О вопросах разжигания ненависти" принята 30.10.1997 на 607-ом заседании представителей министров].

Как видим, в этом варианте определение делает упор на национальный и этнический аспект языка вражды и не упоминается, к примеру, сексизм, который занимает важное значение в первом определении.

В этом есть большая опасность дефиниции "язык вражды" - им можно определить как очевидные случаи речи ненависти, так и попытаться подвести под определение субъективные суждения автора, которые могут быть резкими, но при этом не иметь под собой цель спровоцировать агрессию или негативные эмоции в сторону предмета статьи. И точно также можно назвать очевидный пример "языка вражды" не более чем актом выражения своего личного мнения, а попытку пресечь - нарушением свободы слова и выражения мнения.

Во многих случаях журналисты используют "язык вражды" неосознанно, без предумышленной попытки посеять рознь между этническими, социальными, политическими, сексуальными, гендерными и иными группами.

В своем мониторинге мы используем понятие "язык вражды" как комплекс языковых средств, которые прямо или косвенно негативно влияют на восприятие группы людей, объединенных по национальному, социальному, медицинскому, гендерному или иному признакам, либо же на дискредитацию человека на основании принадлежности к одной из вышеперечисленных групп, в том числе и неумышленную.

Для удобной классификации и обнаружения примеров языка вражды в материалах прессы мы также использовали классификацию А.М. Верховского из информационно-аналитического центра «СОВА».

Верховский разделил язык вражды на три группы: жесткий, средний и мягкий.

Для жесткого языка вражды по указанной методологии характерны прямые и непосредственные призывы к насилию; призывы к насилию с использованием общих лозунгов; прямые и непосредственные призывы к дискриминации; призывы к дискриминации в виде общих лозунгов; завуалированные призывы к насилию и дискриминации (к примеру, пропаганда положительного современного либо исторического опыта насилия или дискриминации).

Для среднего языка вражды характерны оправдание исторических случаев дискриминации и насилия; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической (или иной) группы; указание на связь какой-либо социальной группы с отечественными и/или иностранными политическими и государственными структурами с целью ее дискредитации; утверждение о криминальности той или иной социальной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве какой-либо социальной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах и т.д.; обвинение в негативном влиянии какой-либо социальной группы на общество, государство; призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) определенных социальных групп.

Для мягкого языка вражды характерно создание негативного образа социальной группы, упоминание названий социальной группы в уничижительном контексте, утверждение о неполноценности социальной группы, утверждение о моральных недостатках социальной группы, упоминание социальной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте (к примеру, в криминальной хронике; цитирование дискриминирующих высказываний или публикация подобного рода текстов без соответствующего комментария, определяющего размежевание между мнением интервьюируемого и позицией автора текста (журналиста); предоставление места в газете для явной пропаганды без редакционного комментария или иной полемики.

Также в ходе работы мы использовали элементы методологии и руководствовались результатами мониторинга прессы на наличие языка вражды, который проводила белорусская инициатива «Журналисты за толерантность».

ЯЗЫК ВРАЖДЫ ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ

За три первых месяца 2017 года наша исследовательская группа выявила только два случая употребления этнонимов, которые негативно влияют на образ группы. Оба случая обнаружены в газете “Асіповіцкі край”. В рубрике “Хроніка здарэнняў” за 21 февраля среди сводки происшествий

упоминается, что *“19 лютага распачата справа па заяве 81-гадовай асіпаўчанкі, у доме якой выкралі 150 рублёў. У здзяйсненні крадзяжу падазраюцца дзве жанчыны-цыганкі”*¹.

Наша исследовательская группа пришла к выводу, что указание этнической принадлежности лиц, которые подозреваются в совершении преступления, нельзя рассматривать как необходимость. Отсутствие упоминания этнонима не изменило бы информационную целостность заметки.

В данном случае также имеет место прямое неисполнение рекомендаций Следственного комитета Республики Беларусь для масс-медиа, в частности п.8 *“Во избежание разжигания национальной ненависти или вражды, не следует фиксировать внимание читателей и зрителей на национальной принадлежности лиц, совершивших преступление”*.

Нужно обратить также внимание на то, что следствие по указанному делу ещё ведется и преступниками могут оказаться совершенно другие люди - в том числе и представители других национальностей, включая белорусов, русских и др. Несмотря на это, газета целенаправленно указывает на принадлежность подозреваемых лиц к этнической группе цыган.

Отметим, что для *“Асіповіцкага края”* данный информационный подход является постоянным. В обзоре за 2016 год мы выявили два идентичных случая языка вражды по этническому признаку в отношении цыган - тоже в рубрике *“Хроніка здарэнняў”*.

Второй случай использования негативной семантической тактики в отношении национальности также обнаружен в газете *“Асіповіцкі край”*. На этот раз язык вражды относится к жесткой группе согласно классификации А.М. Верховского.

В материале *“Этническая преступность: как оградить себя от преступных посягательств”*² мы становимся свидетелями дискриминации со стороны государственных органов и газеты в отношении этнической группы, когда национальность, согласно логике автора и издания, становится источником противоправных действий.

Начальник отдела охраны и правопорядка Осиповичского РОВД **Сергей Наливайко**, который является автором статьи, утверждает, что *“самым распространенным способом [совершения правонарушения]”*

¹Хроніка здарэнняў//Асіповіцкі край, №15 - 2017. – 21 фев - С.1

²Наливайко С. Этническая преступность: как оградить себя от преступных посягательств//Асіповіцкі край, №15 - 2017. – 21 фев - С.7

остается воровство на фоне гадания, цыганка также может попросить показать ближайшую поликлинику, навязчиво просить монетку, предложить косметику или кольцо и тут же предложить снять порчу, избавить от соперницы и т.д. — и наоборот жертву”.

Сотрудник милиции предупреждает в материале о том, что “лица цыганской национальности представляются социальными работниками и под благовидным предлогом оказания социальной помощи проникают в дома пожилых людей”, а также призывает “избегать контактов с лицами цыганской национальности, которые занимаются незаконной розничной торговлей, предлагают услуги, в том числе по обмену «старых» денег”.

В конце материала Сергей Наливайко просит “незамедлительно сообщать по тел. 102 о фактах появления цыган”.

Таким образом, сотрудник правоохранительных органов, используя официальный печатный орган Осиповичского райисполкома, возводит в ранг преступников людей сугубо на основании их национальности.

В материале не приведено никаких фактов, цифр и точных данных, собранных специалистами, которые могли бы стать свидетельством склонности к правонарушениям представителей одного только этноса. Используются общие фразы и стереотипы, на основе которых представитель государства пытается сформировать общественное мнение таким образом, чтобы выставить всех представителей одной национальности в качестве потенциальных и наиболее возможных преступников. Призыв сообщать в милицию только из-за того, что представители народности рома прибыли в населенный пункт служит примером прямой дискриминации.

Также данный подход ведет к маргинализации этнической группы и последующему росту её недовольства и недоверия к социальным институтам государства. В итоге это приводит к углублению конфликта.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И ГЕНДЕР

В ходе исследования региональных СМИ наша группа столкнулась с несколькими примерами hate-speech по гендерному признаку. Мягкий язык вражды использовался как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. Всего мы обнаружили три случая использования негативных семантических тактик.

В хотимской газете “Шлях Кастрычніка” за 25 февраля опубликован

материал *“Вот напасть: тунядки атакуют, как бы не пропасть”*³. Уже в заголовке прослеживается направленность материала и позиция автора. Кроме того, обращает на себя внимание использование слова с агрессивным значением “атакуют”. Несмотря на то, что это всего лишь художественный приём автора **Анны Мармузевич**, на подсознательном уровне выстраивается не только негативное, но и враждебное отношение к героиням материала.

Между тем, уже в самом начале автор указывает, что речь в материале идет только о *“представительницах человечества женского пола”*, но никак не о *“женщинах, матерях и дочерях”*. Таким образом, журналист на основании собственного чувственного опыта проводит разделение на “настоящих” и “ненастоящих” женщин.

Статья повествует о заседании районной комиссии по делам несовершеннолетних, куда приглашены женщины, которые, по меркам автора, являются асоциальными элементами общества:

“Каждая из приглашенных дам является лишь представительницей человечества женского пола, но не женщиной, дочерью, матерью... Забота, нежность, доброта, верность, да просто внешняя привлекательность, наконец — ими давно утрачены”.

Фактически Анна Мармузевич отказывает героиням материала в праве называться женщинами в том числе и по признаку физической привлекательности, что является откровенной дискриминацией.

Отметим, что это не просто позиция автора - чуть ниже мы также рассмотрим материал из этой же газеты, в котором привлекательность выступает признаком “настоящей женщины”.

Возвращаясь к статье **Анны Мармузевич**, мы сталкиваемся также и социальной дискриминацией - каждая из обсуждаемых героинь материала представляется в негативном свете во многом из-за отсутствия официального места работы. Автор позволяет себе выражения, которые можно расценивать как оскорбительные для человеческого достоинства:

“Далее по очереди приглашаются мать и дочь. Обе воспитывают несовершеннолетних детей. Мама Галина вообще не понимает какие к ней претензии....

— ... Вы живите, как хотите, но детей будьте любезны обеспечить.

— А что не обеспечиваю?.. — нерадивая мать снова корчит рожицы членам комиссии. Реагирует женщина лишь на угрозу отобрать детей. Ей дано 10 дней для трудоустройства. Естественно, что у такой матери не

³Мармузевич А. Вот напасть: тунядки атакуют, как бы не пропасть//Шлях Кастрычніка, №16 - 2017. – 25 фев - С.8

может быть трудолюбивой дочери. Александра бросает сына Германа и пытается устроить личную жизнь, наворачивая версты по деревне: авось, ПРЫНЦ где-то затерялся...”.

Нужно обратить также внимание на то, журналист использует белорусскоязычный вариант слова «принц» для снижения морального авторитета героини материала в глазах читателей, тем самым воспроизводя стереотип о белорусском языке как о «языке села», что можно расценивать как язык вражды по отношению к национальному наследию всего народа.

В конце автор материала Анна Мармузевич вставляет собственную реплику.

“Не Декрет №3 плох, а вот такие Светы и Инны, дети которых ходят в школу, детский сад (как и тех, кто работает и ежемесячно уплачивает подоходный налог) и получают там БЕСПЛАТНОЕ образование. А если заболеют детки? То БЕСПЛАТНО будут лечиться в больнице. Лично мне, хочется «стрекозкам» крылышки подрезать... А детей жалко”.

Таким образом, можно сделать вывод, что матери, которые не имеют официального места заработка в силу разных причин, для автора представляют меньшую ценность как люди и как женщины. Фразу “лично мне хочется “стрекозкам” крылышки подрезать” можно воспринимать в том числе и как призыв к насилию - если не физическому, то моральному.

В другом материале газеты “Шлях Кастрычніка” разговор идет уже в противоположном направлении. Текст с заголовком “*Быть просто женщиной*”⁴ был опубликован 4 марта. В нем автор **Янина Мавич** рассказывает о жизни и успехах председателя профсоюза Хотимской центральной районной больницы Тамары Сидоренко.

В материале, который мы рассматривали выше, упоминается среди прочего, что внешность - также показатель “женщины”.

В тексте Янины Мавич данная логическая конструкция, содержащая язык вражды, также присутствует: “...*О Тамаре Ивановне, как о женщине, есть что рассказать. Стоит заметить, что всегда элегантная, ухоженная, как НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА, она никогда не позволяет себе быть неопрятной...*”.

Исходя из слов автора, можно сказать, что женщины, которые всегда или иногда позволяют себе быть неопрятными, являются ненастоящими женщинами. Это проявление стереотипного мышления, которое не подтверждается фактами и является проецированием собственной системы

⁴Мавич Я. Быть просто женщиной//Шлях Кастрычніка, №18 - 2017. – 4 мар - С.4

ценностей журналиста на других людей. При этом часть из них маркируется негативным образом и становятся жертвами языка вражды, даже если автор не намеревался их дискриминировать или оскорбить.

Следующий материал, который содержит в себе язык вражды на гендерному признаку, был опубликован в мстиславской газете “Святло Кастрычніка” 22 февраля и называется “Служить нравится”⁵. Речь в нем идет о призывнике, который проходит службу в белорусской армии. Замечания вызывает одно высказывание, которое распространено в белорусских СМИ.

“Тем, кто готовится стать защитником Родины, Леонид пожелал не бояться армии. Здесь они узнают для себя очень много нового, обретут друзей, станут настоящими мужчинами”.

Исходя из этой фразы, молодые люди, которые не были призваны на военную службу, таковыми не являются. Устойчивое выражение в связке с ярлыком стали источником языка вражды.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

Одной из наиболее распространенных форм языка вражды в СМИ Могилевского региона остается язык вражды в отношении различных уязвимых социальных групп. Основой для использования дискриминационных выражений может быть дееспособность человека, его заболевание, социальный и финансовый статус и многое другое.

Например, в материале газеты “Шлях Кастрычніка” “Тайный враг по-прежнему атакует...”⁶ есть несколько семантических конструкций, которые формируют негативное мнение о людях с вирусом иммунодефицита:

“...Многие по-прежнему считают, что ВИЧ-СПИД — болезнь исключительно гомосексуалистов, наркоманов и проституток. Да, было время, когда основными группами риска были именно такие люди. Но в настоящее время, по статистике, число случаев инфицирования при гетеросексуальных контактах постепенно увеличивается...”.

Несмотря на то, что утверждение о ВИЧ как болезни “гомосексуалистов, наркоманов и проституток” по замыслу автора должно

⁵Микулич С. Служить нравится//СвятлоКастрычніка, №15 - 2017. – 22 фев - С.1

⁶Мармузевич А. Тайный враг по-прежнему атакует...//Шлях Кастрычніка, №13 - 2017. – 15 фев - С.2

опровергаться словами “число случаев инфицирования при гетеросексуальных контактах увеличивается”, в данном отрывке текста нет прямого противопоставления. Фраза “число случаев инфицирования при гетеросексуальных контактах постепенно увеличивается” наоборот косвенно утверждает, что болезнь действительно характерна для ЛГБТ, людей с наркозависимостью и девушек, оказывающих сексуальные услуги, но в последнее время все больше ей стали подвержены и гетеросексуальные пары.

Также в этом материале автор позволяет себе вопрос “ВИЧ! Проблема все же социальная (кара за безнравственность) или медицинская?”.

Респонденты, присутствовавшие на “круглом столе”, сошлись во мнении, что проблема социальная. Язык вражды не усматривался бы, если бы не вставка автора о “каре за безнравственность”. Обвинительная ремарка не имеет уточнений и затрагивает большое количество людей, фактически уличив их в безнравственном поведении только на основании наличия ВИЧ-инфекции. Постановка вопроса продуцирует соответствующий отклик читателя на проблему данной социальной группы и приводит к лишней напряженности в отношении людей с вирусом иммунодефицита.

Следующие примеры языка вражды также имеют отношение к медицинской тематике. Несмотря на рекомендации “Офиса по правам человека с инвалидностью”⁷, многие СМИ игнорируют базовые аспекты, в частности, использование выражения “человек\люди с инвалидностью” вместо слова “инвалид”.

Пример этого мы видим, в частности, в газете “Кіравец” в материале “В Кировске открыта комната совместного самостоятельного сезонного проживания для пожилых людей и инвалидов”⁸.

Кроме того, сравнительно много таких примеров можно найти в газете “Вечерний Могилев”.

В материалах “Они инвалиды. И им нелегко”⁹, “Открыть лавку сувениров, изготовленных инвалидами”¹⁰ и “Инвалиды с нарушением слуха посетили музей пожарной службы”¹¹ использована одна и та же лексическая единица для обозначения людей с инвалидностью. Согласно справочному изданию Офиса по правам людей с инвалидностью “Этикет инвалидности.

⁷Згировская Н.А. Этикет инвалидности. Советы и пожелания. - Минск: изд. А.А.Згировского, 2012.

⁸Печень А. С заботой о пожилых людях и инвалидах//Кіравец, №12 - 2017. – 10 фев - С.3

⁹Тиханкова А. Они инвалиды. И им нелегко//Вечерний Могилев, №19 - 2017. – 8 мар - С.7

¹⁰Алексеев В. Открыть лавку сувениров, изготовленных инвалидами//Вечерний Могилев, №23 - 2017. – 22 мар - С.1

Советы и пожелания”, наиболее подходящим является определение «люди с инвалидностью», в котором на первом месте стоит именно человек, а уж потом — его достаточно конкретно определяемое качество ограниченности в связи с институциональными барьерами, барьерами в отношении или окружающей обстановке, препятствующими участию в жизни общества”. Термин “инвалид”, по мнению представителей офиса, *“традиционно используется и в обиходе, и в определении особого статуса человека. И в этом кроется определённая уязвимость использования этого термина, за которым теряется видение человека как личности”*.

Помимо материалов, касающихся людей с инвалидностью, в “Вечернем Могилеве” встречаются тексты с содержанием языка вражды в отношении других социальных групп.

Например, заметка про мошенничество со стороны девушки, которая обманывала молодых людей через Интернет и выманивала у них деньги, озаглавлена словами *“Найти лоха”*¹². Таким образом, журналист областного издания использовал сниженную лексику для обозначения жертв преступления, фактически их оскорбив.

Похожий способ использован в материале *“Отморозкам закон не писан”*¹³ в котором повествуется о хулиганстве и людях, совершающих хулиганские действия. Действительно, с точки зрения закона граждане, совершившие административное правонарушение, заслуживают наказание в виде штрафа либо ареста. Однако оскорбление на газетной полосе нельзя считать таковым наказанием, тем более если оно носит обобщающий характер.

Ещё один пример языка вражды мы обнаружили в материале газеты “Бабруйскае жыццё” *“После отбоя: милиционеры проверили общажную жизнь подростков из группы риска”*.¹⁴

В материале идет речь о профилактическом рейде журналистов и милиции по общежитиям средне-специальных и профессионально-технических учебных заведений города в рамках акции “Нет наркотикам!”.

В тексте автор называет подростков, у которых проходят осмотры, “трудными”, что можно расценить как мягкую форму языка вражды. При этом тот факт, что они состоят на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, журналист позволяет себе достаточно жесткие

¹²Коваленок Е. Найти лоха//Вечерний Могилев, №23 - 2017. – 22 мар - С.7

¹³Кондратьев В. Отморозкам закон не писан//Вечерний Могилев, №17 - 2017. – 1 мар - С.6

¹⁴Хурсан А. После отбоя: милиционеры проверили общажную жизнь подростков из группы риска//Бабруйскае жыццё, №12 - 2017. – 22 мар - С.25

высказывания:

“Спустя полчаса «нужные» комнаты были проверены. В том числе нахождение там наркотических веществ. Чисто. Но грязно в прямом смысле слова! Даже делая скидку на мальчишеский стиль ведения хозяйства, обитателям некоторых комнат впору скоро захрюкать”.

Проведенная параллель между подростками и животными сугубо на основании беспорядка в комнатах, куда участники рейда пришли без предупреждения, выглядит тенденциозно.

Далее автор **Анастасия Харитонова** утверждает, что *“рейд, проведенный с привлечением служебной собаки, стал своеобразной шоковой терапией для «отличившихся» подростков. Беседы, уговоры, чтение книг (а именно такую работу ведут с ребятами работники системы образования), безусловно, эффект имеют. Но не такой. Наглядно подучетным дали понять: в любой момент может случиться проверка. И результат их преступных проделок запечатлеют на фото и видеокамеру”.*

Данный отрывок маргинализирует подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Семантическая конструкция выстроена таким образом, что складывается впечатление, будто большинство таких подростков обязательно совершат преступление. Такой подход затрудняет социальную адаптацию молодых людей с девиантным поведением.

В самом конце журналистка спрашивает у читателей, хотели ли бы они, *“чтобы на одном курсе с вашими детьми учились (больше того, жили в одной комнате в общежитии) и безнаказанно совершали преступления такие «дети»? Где будете искать виноватых, если вашего ребенка такие друзья втянут в криминальную историю? Поэтому любая профилактика важна”.*

Обозначенный текстовый фрагмент ещё больше демонстрирует предвзятое отношение автора к учащимся ссузов и колледжей. Журналистка словно отказывает стоящим на учете в ИДН подросткам в возможности реабилитации без постоянного милицейского контроля, что заставляет видеть в несовершеннолетних молодых людях преступников, даже если факты доказанных правонарушений отсутствуют.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ, АНАРХИСТЫ И “ДЕКРЕТ О ТУНЕЯДСТВЕ”

Отображение первого квартала 2017 года в региональных СМИ характеризуется публикацией материалов, которые содержат язык вражды в отношении социальных групп, придерживающихся определенных политических взглядов.

В первую очередь это связано с акциями протеста в результате конфликта государства и общественности из-за Декрета президента Республики Беларусь №3 “О предупреждении социального иждивенчества”. Можно предположить, что относительно массовые митинги вынудили подконтрольные властям СМИ реагировать достаточно жестким образом, используя приёмы пропаганды.

Наибольший интерес вызывает не столько то, что напечатала пресса области в связи с протестной ситуацией, а то, каким образом это происходило. как она это сделала.

Анализ печатных изданий области выявил идентичный подход всех районных изданий в отношении двух материалов, содержащих средний и жесткий язык вражды.

В феврале и марте этого года газета “СБ. Беларусь сегодня” выдала два материала с названиями “*Не будьте лихо...*” (21 февраля) и “*Люди в масках: анархия - мать опасной смуты*” (16 марта).

Материалы были перепечатаны практически всеми государственными изданиями Могилевской области: “Асіповіцкі край”, “Шлях Кастрычніка”, “Маяк Прыдняпроўя”, “Прыдняпроўская Ніва”, “Горацкі веснік”, “Зара над Друццю”, “Радзіма”, “Святло Кастрычніка”, “Веснік Чэрыкаўшчыны”, “Кіравец”, “Ударный фронт” и многими другими.

Кроме газет, статью “Не будьте лихо” опубликовал также официальный сайт Могилевского областного исполнительного комитета.

Все говорит о целенаправленной информационной атаке на некоторые социальные группы граждан. В случае с “*Не будьте лихо*” была осуществлена попытка дискредитации участников протестов против Декрета №3, а в случае с “*Люди в масках: анархия - мать опасной смуты*” автор (или авторский пул) пытался создать негативный образ группе с определенным политическим мировоззрением.

Таким образом, местная пресса дважды в течении месяца стала источником жесткого языка вражды на политическую тематику.

В материале “Не будьте лихо...” некоего Вацлава Куделко использованы привычная для политической пропаганды риторика:

“Прежде всего трудно разделить ту радость, которую излила из себя оппозиционная пресса. В ход пошли все пронафталиненные инструменты пропаганды и агитации...Каждый, у кого есть глаза и уши и кто не зомбирован пропагандой, сам и без подсказки разберется в тенденциозности и лживости всей этой трескотни”.

Данной семантической конструкцией автор манипулирует сознанием читателя, используя приём ложной дилеммы. Вацлав Куделко ставит потребителя информации передвыбором - либо тот оценивает протесты негативно, либо он «зомбирован пропагандой», причем «не имеет глаз и ушей». Очевидно, что есть определенное количество компетентных людей, имеющих высокое интеллектуальное развитие и при этом не поддавшиеся пропаганде.

Однако согласно подходу «СБ. Беларусь Сегодня», таких людей нет и выбор искусственно заужен до двух нетождественных определений: либо «протесты – это плохо», либо «вы зомбированы».

В последующем мы сталкиваемся с попыткой принизить роль протестующих граждан - автор называет их лишь шумными группами, на чьи протесты “государство просто не имеет права поддаваться”.

На протяжении всего повествования можно встретить отсылки к тому, что некие силы, предположительно - оппозиционные, стараются развалить Беларусь:

“Можно привести много разных примеров, которые показывают, что совершенно разные политические силы спят и видят, как бы устроить в Беларуси какую-нибудь массовую заваруху — конкретные причины не так и важны! Главная цель — чтобы втиснуться нам в горло”, - считает Вацлав Куделко, но при этом не называет конкретных представителей.

Одним из последних тезисов автор приводит то, что “неприлично и ссылаться на украинскую ситуацию, которая также начиналась с внешне безобидных «протестов», а закончилась расчленением страны”.

Таким образом, он фактически переводит всех граждан, которые протестовали против Декрета №3, в категорию потенциальных разрушителей целостности государства. Осуществляется подмена понятий и игра на страхах, которые основаны на идее недопущения войны любой ценой.

Косвенным доказательством того, что публикация статьи во всех региональных изданиях имела, мягко говоря, заказной характер, служит время её появления на официальных сайтах газет и других масс-медиа, а также обязательность этого акта.

В «СБ» материал был опубликован 21 февраля. 22 февраля он уже был опубликован на сайтах районных, городских и областных изданий:

“Крычаўскае жыццё” — в 8:21;

“Савецкая вёска” (Дрибин) – в 9:26;

“Чырвоны сцяг» (Краснополье) – в 9:51;

“Кіравец” — в 9:52;

“Асіповіцкі край” – в 9:52;

“Сцяг Саветаў” (Кличев) – в 10:26;

“Святло Кастрычніка” (Мстиславль) – в 10:52;

“Искра” (Чаусы) – в 11:11.

На сайтах других изданий время выхода материалов не указано, однако в целом оно соответствует обозначенному отрезку.

Что касается печатных версий СМИ, подавляющее количество наименований районных газет, содержащих текст «Не будьте лихо...» вышло 25 февраля.

Статья автора Егора Носова “Анархия - мать опасной смуты” первоначально также вышла в «СБ. Беларусь Сегодня» 11 марта 2017 года, №47, практически через месяц после “Не будьте лихо”. В данном случае можно предположить, что власти при помощи подконтрольных печатных органов решили выставить в негативном ключе не просто социальную группу граждан, а сформировавшееся политическое сообщество.

Несмотря на то, что анархизм как политическая идея и движение не запрещен в Республике Беларусь, риторика материала направлена на его негативизацию в глазах читателей. Повторяющиеся конструкции со словами о беззаконии со стороны участников анархистского движения, использование определений с негативной оценкой и фактическое отсутствие политической теории приводят к формированию образа идейных последователей политического течения как некоей банды:

“...люди поставили целью уничтожение всех государственных институтов, чтобы на их месте учредить некое «вольное содружество свободных людей», которые не будут ни пахать, ни сеять, но вкусно есть и сладко пить. За счет «несознательных» белорусов, надо понимать. Конечно, если бы не бутылки с зажигательной смесью, то над всем этим

можно было бы посмеяться, но поджоги государственных учреждений и насилие, которое культивируют «анархисты», стали представлять немалую общественную угрозу.

Среди прочего автор называет анархистов главным источником беспорядков в Украине. При этом он открыто говорит о том, что в «*Киев и едут за «опытом» юные белорусские «анархисты».* В украинской прессе все чаще проходит информация, что такие имеющие реальный боевой опыт структуры, как «*Революційна Дія*», «*Автономный опір*», «*Черная радуга*», учат наших юношей и девушек премудростям уличных боев, взрывному делу и т.п. Можно только предполагать, какой «опыт» привозят в Минск из Киева члены белорусских группировок «*Пошуг*», «*Революционное действие*»...

Автор прибегает к системе ярлыков, с помощью которых формирует у читателей мнение об анархистах как о группе потенциальных террористов.

Материал, построенный на стереотипах, прибегает к одной из самых распространенных коннотаций провластной журналистики – анархисты финансируются странами Западной Европы.

“Поскольку эта практика по душе тем, кто спит и видит своей целью «революцию» любого цвета, то вполне понятно, что «анархисты» как боевой уличный отряд весьма интересуют покровителей и организаторов этого политического стиля...И хотя давно уже хочется выбросить из головы «киевский Майдан» — не получается. Там тоже звучали красивые слова, но что получилось в итоге? Вряд ли кто-то из нормальных людей в белорусских городах мечтает о такой «революции», как у соседей, и таких кровавых ее последствиях...”

Как и в случае с материалом Вацлава Куделко «*Не будьте лихо...*», материал Егора Носова «*Анархия – мать опасной смуты*» был перепечатан подавляющим количеством могилевских региональных медиа. Чаще всего – без адаптации, из-за чего бросается в глаза неформатность текста для некоторых изданий.

Из общего списка выделяется белыничская газета «*Зара над Друццю*», которая переделала текст в соответствии с редакционной политикой. В частности, материал был растянут на два номера и переведен на белорусский язык.

Во всех остальных случаях мы имеем дело с механической перепечаткой, что косвенно указывает на влияние, которое имеет издание

«СБ. Беларусь Сегодня» на неформальном уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Подводя итоги проделанной работы, можно выделить несколько выводов, к которым пришла исследовательская группа при изучении языка вражды в СМИ Могилевского региона в первом квартале 2017 года.

Язык вражды носит немассовый и, за редким исключением, не жесткий характер. Главным проявлением hate-speech в прессе является воспроизведение устоявшихся гендерных, социальных и этнических стереотипов и навешивание ярлыков, что является, на наш взгляд, результатом отсутствия базовых теоретических знаний и практики в отношении распознавания языка вражды.

При этом нельзя недооценивать роль материалов, содержащих язык вражды, особенно на районном уровне. Данный мониторинг продемонстрировал, что одним из источников hate-speech могут выступать представители государственных институтов и силовых ведомств, что можно расценивать как проявление негативной политики государства по отношению к уязвимым социальным группам. Это может привести к ненужному росту социальной напряженности и разжиганию конфликтов на социальной и межнациональной почве.

Обращает на себя внимание тот факт, что язык вражды практически не встречался в первом квартале 2017 года в областных изданиях- «Могилевские ведомости», «Могилевская правда» и «Днепровская неделя» в построении своих материалов использовали нейтральную лексику, тексты с риторическими конструкциями, которые были бы направлены на дегуманизацию социальных, гендерных, этнических и иных групп.

Исключением являются материалы-перепечатки из газеты «СБ. Беларусь Сегодня» «Не будьте лихо...» и «Анархия – мать опасной смуты», которые были опубликованы в печатном и электронном виде на сайте холдинга ИА «Могилевские ведомости», куда входят все три наименования перечисленных изданий.

Ситуацию с «Не будьте лихо...» и «Анархия – мать опасной смуты» можно расценивать как уникальную попытку тотальной мобилизации прессы для моббинга определенных социальных и политических групп.

Несмотря на отсутствие доказательств воздействия на региональные редакции со стороны некоего государственного института (или группы институтов), по косвенным признакам можно определить, что оба материала распространялись директивным способом – в первую очередь по отсутствию ранее материалов такого формата в изданиях, по времени и дате размещения материалов на официальных сайтах СМИ и в их печатных версиях, а также по отсутствию каких-либо попыток адаптации данных материалов под редакционную политику газет.

Это может быть опасным прецедентом массового одновременного использования языка вражды по отношению к политическим оппонентам действующей власти, что ведет к дегуманизации средств массовой информации и может быть использовано для разжигания конфликта

Для улучшения ситуации, информационно-аналитическая группа moloko предлагает редакциям, которые допускают использование hate-speech, обратить внимание на следующий вспомогательный материал:

- [Брошюра Восточно-Европейском сети общественных миротворческих организаций ВЕСОМО «Толерантная журналистика».](#)
- [Брошюра «Гендерный ликбез»/ Минченя Е. Сасункевич О. - Вильнюс: Белорусский дом прав человека, 2013 – 224 с.](#)
- [Пособие для журналистов «На пути к социально-ответственным СМИ: преодоление языка вражды и развитие гражданских медиа» - Симферополь: Центр «Интеграция и развитие», 2011 – 84 с.](#)
- [Сборник статей «Язык вражды против общества»/ сост. Верховский А. – Москва: Центр «Сова», 2007 – 259 с.](#)
- [Хрестоматия «Психология национальной нетерпимости»/ Чернявская Ю. – Минск: изд. «Харвест», 1998.](#)

Контакты для обратной связи:

Почта mspring.online@gmail.com

ВКонтакте vk.com/mspring.online

Facebook fb.com/mspring.online